



А. И. ВВЕДЕНСКИЙ

Анархизм и религия

I

Революционный шквал, вздымая все новые и новые валы, докатился, — кажется на человеческий взгляд, — до последних пределов. И здесь я имею в виду не столько фактически существующую анархию, горечь которой мы все вкушаем так ощутительно, но идейный анархизм, как высшее, всецелое утверждение личности человека, как отрицание всякого «архѣ», всякого «начала», всякой власти. Это самоутверждение личности, доводящее до включения всего мира в узкие рамки индивидуального сознания (от Канта и Фихте до самого крайнего солипсизма, утверждающего, что *solus ipse sum*, что «существую только я сам», практическим выразителем какового учения на западе был врач Клод де-Брюне, а у нас Федор Сологуб), — с одной стороны, а с другой стороны — до гордого: «всё позволено человеку» (Достоевский), или: «чего бояться человеку» (Горький), — со всеми вытекающими отсюда реально-практическими последствиями. Есть в этом учении несказанная пленительность. И рвутся смелые души за пылающими огнями — путеводителями нового, пусть дерзкого и безрассудного, но столь пленительного и чарующего учения — религии. Ибо и — как социалисты — анархисты выступают иногда как верующие без веры как истосковавшиеся по Тому, Кого они не знают... Вы помните, как у Лонгфелло израненный юноша со знаменем в руке, с восторженным криком на пылающих устах поднимается по горной круч? Он уже почти изнемогает, он уже едва жив, но идет и идет. И упоен тем кличем, который непрестанно звучит сильнее и яснее: *exelsior!*¹ Это — как у русского поэта:

Выше, выше — вперед! Так ведь много для нас
 В жизни целей, задач, идеалов.
 Лишь тяжелым, упорным и вечным трудом
 Ты достигнешь тех чистых реалов...

И вот — анархизм говорит иное. Он говорит: «К чему этот упорный труд? Горькие муки? Слезы терпения, отравленные вздохи из-за невыполненных мечтаний? Бери, бери все! Чего бояться человеку? Что ему не позволено? И кто ему может не позволить? — Три стража издавна предстоять человеку: Бог, совесть и *архэ* (власть, закон и принуждение). И эти три великие — это три великих миража, три пустых фантома». <...>

А раз человек — бог, то он — высшее начало, он сам *архэ* и нет иной для него власти. И анархизм будет логическим выходом, принудительным и неизбежным, для всякого последовательного атеиста.

Но стоит перед человеком — даже атеистом — второй древний страж человечества: совесть. Она, со-весть, она *соведает*, вместе знает всё, даже то — чего сам человек не желал бы знать, что больно и мучительно даже вскользь помыслить... <...> И никогда, и никуда не убежит от совести тот, кто ее осквернил, — рано или поздно настигнет она смертными муками тех, кто беспрепятственно думал обмануть, игнорировать совесть — Божью силу, Божий голос. <...>

Для анархизма, как такового, преступление не есть ужас, а совесть — святыня. Наоборот, Раскольников есть неудавшийся тип, а женщина-убийца, сохранившая веселое расположение духа на всю дальнейшую свою жизнь, есть своего рода — идеал. Итак — можно препобедить совесть. Ее должно препобедить, если она стоит на пути к полному раскрытию, полному самоутверждению моей индивидуальности... И отходит, как бледная тень, бегущая перед всепобедным солнцем, второй исконный страж человека, великий враг его счастья — совесть.

Остается третий страж — ‘*архэ*, власть. Два идола пали. Трансцендентная, небесная сила, непостижимая, абсолютная — Бог. Он, — так всегда трепетно веровало человечество, — со творил из ничего мира. Он — перед Которым миллиарды светил, миллиарды млечных систем есть меньше, чем ничтожество, Он уже ниспровержен анархистом. Но Он (как это говорили древние вавилоняне о первом из Божественной Триады — Яну) непостижим и далек. Ближе, рядом, вот тут, во мне, был второй враг

и страж человека — совесть. Можно, как мы только что видели, препобедить и совесть. И вот, когда человек свободен от Бога и совести, он не может не вступить в борьбу с третьим врагом на пути к своему счастью, своему самоутверждению и самораскрытию, — обществом, организованным ли в виде государства, или осуществляющим принцип власти каким-либо иным образом. Прежде всего, конечно, личность сталкивается с государством. Что такое государство? Возьмем хотя бы одно из новейших его определений: «государство есть правовая организация народа, обладающая во всей полноте своею собственной, самостоятельной и первичною, т. е. ни от кого не заимствованною, властью» (Б. А. Кистяковский). Даже здесь, пусть в довольно скрытной форм, есть абсолютизирование и догматизирование, и еще того гораздо более — обожествление государства; здесь государство — земной Бог. Это исконно сродное человеку обоготворение высшего коллектива человеческого — государства. <...> И ясно, и понятно, что, если человек низверг Бога на небесах и в себе (совесть), то он должен ниспровергнуть Бога на земле, поскольку государство — Божество. Какие же пути могут вести к этому? Таких путей два: через революцию к социализму, или к анархизму. Так обстоит дело в данный исторический момент. Что такое революция? И Гоббс, и Гегель ненавидели революцию. Им, певцам государства, революция была ужасна. С точки зрения Гегеля, это, так сказать, богоборчество. Но, в своей внутренней сущности, революция есть стремление к восстановлению попранной правды. Пусть прав Бердяев, когда он утверждает, что все революции, политические и социальные, направлены на механическое, внешнее разрушение, что природа их психологически реакционна, так как всякая революция есть реакция против старого, а не творчество нового. Но все же революция есть всегда шаг вперед, а не назад, поступательное движение человечества в том историческом, пусть себе — нам непонятном, процессе, который неизменно совершается и течет. В данную минуту мы стоим перед социализмом. Даст ли он человеку, низвергнутому Бога уже дважды — в небе и в себе, низвержение земного бога — государства? Ясного ответа на этот вопрос в современной научной литературе нет. <...> Социалистическое государство имеет в себе безмерно больше нравственной правды, чем антихристианское буржуазное государство уже тем, что в нем (а не в буржуазном) сбывается положение Вл. С. Соловьева о том, что «всякий чело-

век, в силу безусловного значения личности, имеет право на средства для достойного существования». Но в социалистическом строе непременно будут сбываться слова одного из основателей социализма, Платона, о том, что приоритет в жизни человека принадлежит социальному целому, а не отдельному индивидууму. Ибо социализм *всех* считает «товарищами», всем хочет равного куска хлеба, равной доли под солнцем. Поэтому — мы видим, при попытках проведения социализма в жизнь, попытках, неизменно до сих пор кончавшихся (рано или поздно) крахом, умаление личности, принесете ее интересов в жертву целому, общему, «товариществу» (социализм от *socius* — товарищ, союзник), безразлично, — будут это сисситии² древней Спарты, парижская коммуна, или что другое. Итак, социализм есть своего рода земной бог. Недаром, целый ряд идеологов и панегиристов социализма принимают социализм религиозно, прямо, как религию (см. хотя бы А. Луначарского «Религия и социализм»). Нет, и здесь анархисту, самоутверждающему свое Я и свое волеизволение, не найти своего счастья. Он уничтожил Божество в себе и на небе не для того, чтобы кланяться Богу с глиняными ногами — государству в какой бы то ни было, даже в самой совершенной, форме. И он уничтожает *архί*, власть, государство, хотя бы и социалистическое...

Итак — пали три бога, три исконных врага человека: власть на небе, в человеке, на земле. Во имя чего же? Литература анархизма бедна. Когда анархиста (я имею в виду русского рядового анархиста) спрашивают об его анархизме, он говорит, что читал Бакунина, Кропоткина, Штирнера... <...>

II

По мнению некоторых исследователей анархизма (проф. Новгородцев), Штирнер — наиболее крупный и самобытный из анархистов-идеологов. Другие, наоборот, отказывают Штирнеру даже в серьезности (В. Виндельбанд). Во всяком случае, Штирнер не одинок, и здесь мы вкратце познакомимся с другими идеологами анархизма. После Прудона, который сейчас уже, конечно, не имеет власти над умами, после Бакунина, который также представляет собой скорее только исторический интерес, к старым вождям анархизма надо отнести и нашего знаменитого анархиста — князя Кропоткина.

Творчество Кропоткина претерпело длительную эволюцию. И если вы прочтете его «Речи бунтовщика» (1885) и «Завоевание хлеба» (1892), а потом «L'anarchie, sa philosophie, son ideal»³ (1896) и, в особенности, «La science moderne et l'anarchie»⁴ (1913), то пред вами предстанут два автора: в первых двух трудах это — ярко выраженный революционный утопист, а в последних — идеолог эволюции самого общества на основе воспитания людей в духе творческой и сознательной инициативы. Но и у Кропоткина, и у Прудона, и у Бакунина, и у других анархистов, о которых мы будем говорить дальше, есть нечто общее, роднящее коммуниста Кропоткина и индивидуалиста Тёккера — ненависть к государству. «Я — безгосударственник», — отрекомендовался на одном из здешних митингов один из видных русских анархистов — Шатов. Для анархизма, как выражается Новгородцев, — переход к мирной государственной работе невыносим: бунт против государства составляет его существо. Но в анархизме можно, все же, наметить два течения — коммунистическое и индивидуалистическое. К первому принадлежит не только Кропоткин с его идеями о федеративной республике, но и американские анархо-синдикалисты, работающее теперь в России. Но это уже — компромисс между основным учением анархизма: абсолютной свободой человеческой личности и данной конкретной социальной обстановкой. Пусть себе анархисты конечным своим конкретным идеалом имеют хотя бы эти известные слова Руссо (в «Общественном договоре»): «найти форму устройства, в которой каждый, соединяясь с другими, повиновался бы, однако, только самому себе и оставался бы столь же свободным, как и прежде». Это уже будет, все же, некоторой изменой тому идеалу, несомненно — наиболее полно отвечающему существу анархизма, который имеет крайнее левое крыло анархизма: устроить жизнь без Бога и без власти, без стесняющих личность связей и без всяких ограничений свободы. Ибо существо анархизма есть полная свобода, полное раскрытие, полное утверждение моей человеческой индивидуальности, апофеоз, обоготворение личности. Личность в анархизм становится центром мира.

Ницше есть, несомненно, пророк анархизма, а его учение о «сверхчеловеке» есть апокалипсис анархизма. У человека множество инстинктов. Но самый сильный — воля к власти. Эта воля к власти разрывает со всякой цепью морально-дозволенного и недозволенного, почему тем самым она находится по ту

сторону добра и зла. Для воли к власти хорошо все то, что происходит из власти и возвышает власть, дурно все то, что исходит из слабости и ослабляет власть. Центр тяжести всего не в истине, а в воле. Ничто не истинно — все позволено. С этого базиса начинается знаменитое требование Ницше о переоценке всех ценностей. Исходя отсюда, Ницше противопоставляет обыкновенному заурядному человеку, этому стадному животному, идеал сверхчеловека. Ведь, воля к власти есть воля к господству, а самое высшее господство есть господство человека над человеком. Отсюда Ницше так ненавидит «мораль рабов». <...>

Несомненно, что современный анархизм есть завершительное звено всей цепи ницшевских построений, как и само ницшеанство, при всей его внешней «ненаучности», есть конечный итог «научной» теории Дарвина о борьбе всех живых существ и о победе наиболее приспособленных. Но если мы не видим — ни буквально, ни между строк — у многих из современных анархистов ницшевского апофеоза звериности, то ницшевский индивидуализм, ницшевский аристократический индивидуализм, всецело принимается виднейшими из современных анархистов. <...>

В России, этой стране самых неограниченных возможностей, работа анархистов идет сейчас чрезвычайно усиленным темпом. В ту минуту, когда пишутся эти строки, нельзя предвидеть, во что выльется эта анархическая деятельность. Но более зрелый западный анархизм, который мы у себя так, истинно по-русски, перекраиваем, терпит кризис. Об этом можно судить по парижскому анархистскому съезду 1913 г.⁵, дававшему картину полного распада анархического движения. <...>

Но — это всегдашнее, неизменное «но» — Россия хочет выявить миру новые, как думается русским анархистам, может быть — невиданные формы анархизма, так сказать, анархию анархизма. И здесь мы скажем, вместо всяких длинных дебатов, еще раз свое «но». Но еще Достоевский гениально заметил: «Покажите русскому школьнику карту звездного неба, о которой он до тех пор не имел никакого понятия, и он завтра же возвратит эту карту исправленную. Никаких знаний и безграничное самомнение»...

III

Между тем анархизм бесконечно внутренне противоречив. Выдвигая, как абсолютный центр мира, человека, — анархизм ничем не в состоянии оправдать столь грандиозные замашки. <...>

Анархизм, выступающий против религии, есть самая настоящая религия, пусть себе-религия без Бога, как она и *de facto* существовала у Конта, у Адлера *et tutti quanti*⁶. И адепты анархизма, как и адепты социализма, должны быть верующими. И не просто верующими, но пламенно-верующими, если угодно, фанатиками веры своей. И когда конкретная действительность показывает всю утопичность анархизма, тогда, как свидетельствует Лорюло, вожди анархизма теряют свою силу: «энтузиазм апостолов не мог уже двигать массы и выводить их из их оцепенения».

И надо быть пламенно, слепо верующим, чтобы поварить в едино-спасающую силу анархизма, заставляющую кричать: «Нет Бога, кроме Бога, и Магомет пророк Его»... Ибо слишком многое предлагает анархизм и не дает ничего...

Центральный догмат анархизма — догмат об абсолютной значимости данной личности. Превращение человека в мировой центр несомненно — грандиознейшая попытка, которая, конечно, не анархистам впервые прибила в голову. <...> Они имеют более, чем Архимедов рычаг⁷. Если не имеют, то, по крайней мере, верят, что имеют. В конечном счете, их притязания, с точки зрения теории познания, вовсе не так нелепы и претенциозны, как это может показаться на первый взгляд. <...> Любопытно, далее, отметить, что и с точки зрения столь авторитетного в современной научной психологии волюнтаризма, примата воли, современный анархист с его «волей к власти», с его мощным самоутверждением своего «я» и его свободы — также является идейным продуктом научных теорий известного рода. Таким образом, формально и научно, анархист принесет вам достаточное обоснование своего основного догмата. Но это не новый догмат. Совершается возврат изжитого, и древность глядит очами современности. Современный анархист — ученик софиста Протагора. <...>

Анархическое движение, однако, настолько значительно, что едва ли оно хотело бы аргументировать свою позицию таким зыбким фундаментом, как чистый солипсизм. Но анархизм неизбежно должен приводить к солипсизму. Здесь — его конец. Ибо если я, безмерно притязающей на центральное положение в ми-

ре, объявляющий, что я — даже Бог <...> — все эти безмерные, сверх-титанические притязания разбиваются о... факты. Анархисту надо либо с Гегелем (когда ему указали, что его философия противоречит фактам точных наук) воскликнуть: «Тем хуже для фактов!», либо смиренно склониться перед этими всемогущими фактами. А факты бьют солипсизм анархиста, разбивают на тысячи мельчайших осколков его гордое упоение самовладычеством, в пыль развевают анархиста-мироцентра. <...>

Смерть ждет и анархиста-солипсиста. И еще менее имеет власти он над нею, чем над болезнями и далекими светилами...

Было бы слишком долго (и слишком наивно) задерживаться над всеми вопиющими нелепостями, с которыми немедленно сталкивается горделивое, но пустое и бессмысленное, утверждение о самовладыке-мироцентре-анархисте. Мир царит над анархистом, как и над каждым из нас; мир побеждает анархиста, как он побеждает и всякого, кто не с Единым Победителем — Христом.

IV

Но нам скажут: «Вы сражались сейчас с ветряными мельницами. Ни один анархист не мечтает о космической власти. Он не хочет повелевать планетами и изменять законы бытия травинки в поле. Сологуб — исключение. У анархизма другое: прежде всего надо перестроить здешний мир, устранить тяготу государства, убить этого гнусного левиафана». Такого рода воззрение на сущность анархизма проникло и в научную литературу. Так, известный проф. Георг Адлер определяет сущность анархизма следующим образом: «Анархизм есть установившийся со времен Прудона термин для обозначения общественного строя с мыслимо широкой автономией индивидуумов и возможно полным отсутствием всякого правительственного принуждения». Здесь центр тяжести, таким образом, в социальном вопросе. Но мы берем понятие анархизма шире. Если заглянете в книжку Ц. Ломброзо «Анархисты», если угодно будет посчитаться с Paul'em Dejardins (см. «L'idée anarchiste»), то мы согласимся с формулировкой Ломброзо, который по пунктам перечисляет требования анархизма. В числе их на первом плане стоят четыре следующих:

- 1) Счастье — это право и объективная цель жизни человека.
- 2) По своей природе человек добр и достоин и способен быть счастливым.

3) Абсолютная свобода, возможность для каждого делать беспрепятственно всё, что он захочет — вот, условия счастья.

4) Все ограничения, внешние или социальные, внутренние или моральные, созданы искусственно и должны быть рассматриваемы, как причины несчастий и печали людей.

Таким образом, анархисты не ограничиваются только борьбой с государством, но высшая их цель — счастье («Счастье, призрак ли счастья — не все ли равно?»), во имя которого они объявляют себя центромирами (пусть это остается практически невыполнимым требованием). Мы видели в предыдущей главе, что анархисту не удастся до сих пор победить мировую неизбежность, мир — как таковой. И ближайшей их задачей является, поэтому, борьба не с мировым злом вообще, а прежде всего — борьба с социальным злом, в виде государства. По Бакунину, государство есть господство одного над другим, а потому деспотизм лежит не в форме государства, но в его сущности. Поэтому должно быть низвергнуто всякое государство. Как же это сделать? Бакунин, — этот отец, столп и утверждение анархизма — полагает, что ближайшая задача анархизма есть создание анархии «в смысле разнуздания всего, что ныне именуется злыми страстями, и уничтожения всего, что на том же (современном) языке именуется общественным порядком». <...>

Так или иначе, здоровые или ненормальные (Ломброзо лучших представителей анархизма не считает ненормальными), но анархисты выдвигают методы террора — ради террора.

Таковы: Бакунин, Нечаев и др. <...> Анархизм, таким образом, возводит насилие, как сам себя оправдывающий метод пропаганды уничтожения всякого строя. Насилие является самоцелью, независимо от того, на кого и для чего оно направляется.

Но достигается ли этим что-либо? <...> знаменитый географ Элизе Реклю по этому поводу и в свое время писал: «Анархия — верх гуманных теорий. Кто называет себя анархистом, должен был бы быть добрым и кротким; люди, смотрящее на преступление, как на средство, марают наше учение; к несчастью, таких людей слишком много среди нас»... Да, Реклю трижды прав. Нельзя насилием достигнуть ничего. Насилие вызывает новое насилие. <...> На штыки можно опереться, но нельзя на них сидеть, — совершенно верно заметил Талейран. Насилием можно пытаться ниспровергнуть государство, утвердить индивидуальность, но нельзя утверждаться и обосновываться на насилии, как

на сколько-нибудь надежном методе реформирования (и такого кардинального) жизни. Насилие принесет не свободу и самоутверждение личности, а гибель ее в буквальном смысле этого слова. Я буду, во имя анархизма, убивать, но и меня мои враги будут пытаться убить и, при удобном стечении обстоятельств, несомненно, и убьют. Здесь уже, конечно, для каждого анархиста — явление, несомненно, неприемлемое. <...>

Я не буду вдаваться в длинные рассуждения, а сошлюсь на современного французского анархиста Грва, который в своей книге: «La Société mourante et l'anarchie»⁸ сознается, что идеи, которые так сильно волнуют анархистов, не могут, к сожалению, быть непосредственно реализованы. Конечно, Грав тотчас же оговаривается, что это обстоятельство — не основание для того, чтобы не работать для их осуществления. Однако знаменательно, что сам Прудон заявил, что анархия — недостижимый идеал, правильной же формой социального бытия является всего скорее федерализм.

Так, выпренные идеалы анархизма заменяют человеческими, слишком человеческими, компромиссами. Да так и должно быть по своему существу. Анархизм рисует в своем воображении гигантский храм индивидуальности. Высоки его своды, легки его стены, весь он бесплотная прекрасная греза. <...> Храм этот хотят построить на песке. Свобода индивидуальности, если не хотят превратить человечество в дикое стадо кровожадных зверей, непременно должна зиждиться на незыблемом нравственном фундаменте. <...>

Анархисты не могут не считаться с этим явлением. Ведь, они — поскольку существуют анархические федерации — желают коллективного анархизма. Они хотят по анархическому методу перестроить весь современный мир, так что, несомненно, выходят за грани чисто личного анархизма (*лично мне*, как это сделали Штирнер и Сологуб, никто, конечно, не может воспрепятствовать освободить себя от каких бы то ни было норм и объявить себя чем и кем угодно). Поэтому они не могут не считаться с вышеуказанным собранием. А нравственного пафоса у них действительно мало. <...> При такой нравственной болезни, параличе нравственности, где же можно думать о том нравственном пафосе, который должен создать гранитное основания для блистательного храма анархизма! Но у анархиста и не может быть подлинного нравственного чувства, так как анархист уничтожает оплот всякой

подлинной нравственности — Бога. Безрелигиозная же мораль есть либо нечто несуществующее, либо это какая-то бледная, анемичная тень, пародия на подлинную религиозную нравственность. Бога же у анархиста нет, и Его он менее всего хочет. <...>

V

Что мы видели до сих пор? Мы видели, как анархизм, выдвигающий индивидуальность, как высший мировой принцип, терпит крушения — одно за другим. Он борется с левиафаном — государством, и государство побеждает его. На насилие большей или меньшей кучки анархистов оно отвечает организованным насилием своего мощного государственного аппарата. Анархизм объявляет себя средоточием мира, но оказывается в полном плену у мировой зависимости. Анархизм ищет счастья, а встречает на каждом шагу смерть, болезнь и тысячу других страданий. Но может анархист льстить себя другой надеждой? Да! <...>... Нельзя ставить пределов достижениям человеческого ума. Вопрос идет о времени, и нет никакой *логической* невозможности, что человек когда-либо не будет, действительно, владыкой мира. Да, но спешим оговориться: владыкой физического мира. Есть новый, иной мир, горний мир — мир святыни, мир религии, царство мистического опыта, Божьи чертоги. Ими никогда не владеет человек, в них никогда не будет господином.

Но мы уже видели, что именно Бога-то и отрицают анархисты. «Совсем Его нет. Какие там разговоры! Вы говорите, что, отрицая Бога, мы строим свое будущее на песке? Пусть! Пусть погибнем, но Бога нам не надо, и никакой грех нам не страшен. Что бояться фантома, как бы он ни назывался?»

<...> И я не дерзаю выступать здесь «защитником» Бога: слишком это было бы — простите меня, глупо. Бог есть Бог, что бы и кто бы ни говорил, ни думал, ни действовал против Него. Это, я думаю, в тайниках своей души чувствуют и те, кто считают себя ниспровергателями всех святынь.

Мне бы хотелось здесь в весьма кратких словах показать, что анархизм напрасно борется против религии. В религии он может найти лучшее, высочайшее основание для своего верховного принципа: исключительной ценности человеческой личности.

Но прежде остановимся на минуту на бытии Бога. Он есть. Есть и для неверующего анархиста. У нас пять внешних чувств.

Но есть шестое чувство — внутреннее, которое назовем мистическим. Им обладает каждый в большей или меньшей мере. <...>

Да, надо иметь религиозный слух. То мистическое чувство, которое есть чувство Бога и которое, в той или иной мере, есть у каждого, должно быть раскрыто, осознанно, опредметствованно. <...>

Таким образом, возможность чувствования Бога зависит только от нас самих. И анархист не имеет никакой возможности, если ему угодно считаться, например, с логической возможностью, отрицать бытие Бога только потому, что он утверждает свою свободу. Известное анархическое выражение «если есть Бог, то я не свободен» — не совсем верно. Человеческой свободе (если она для человека есть психологический факт) никто не может помешать, даже Бог: Он может только наказать. Но если бы даже и так: если бы бытие Бога ограничивало, даже лишало человека свободы, то разве от этого может уничтожиться факт бытия Божия, если Он существует? Ведь такое утверждение есть не меньшая нелепость, чем отрицание мороза только потому, что я не могу без одежды прогуливаться по вольному воздуху во время мороза.

И Бог не только существует, но в религии, отрицаемой анархистами, — верховное утверждение свободы и индивидуальности. <...>

В самом деле, нелепы с практической точки зрения и несостоятельны с теоретической все кичливые притязания на объявление себя центромирами. Но анархизм, в противовес толповому социализму (не идейно-христианскому, сохраняющему своему адепту всю ценность личности и всю ценность религии), так зло осмеянному Джеромом Джеромом, верно выдвигает ценность и ни с чем не сравнимую значимость каждого индивидуума. Но у анархизма эта ценность висит в пустом пространстве. <...> Христианство утверждает личность и дает ей полную свободу.

В христианстве нет и не может быть юридической санкции, вообще — никакой юриспруденции. Где Дух Господень — там свобода. Свободна и христианская личность. Ее никто не учит, но только Само Божество (I Иоан. II, 27).

Но эта свобода приобретает новое значение, а христианская личность приобщается к Абсолютному, которое воистину, — а не в пустых словах, — есть Центр, Основа и Жизнь мира. И поскольку человек причастен Божеству через Христа, постольку он

делается средоточием — но уже тоже подлинным — вселенной. <...> Таким образом, христианство утверждает бесконечную ценность человеческой личности, как и анархизм. Но оно никогда не скажет: «Как можно больше динамиту!» Оно выведет другое требование: «Как можно больше любви!» Любовь — пусть это будет тот динамит, который взорвет всю неправду социальной действительности! Любовь — пусть это будет тот огонь, в котором сгорит всё, мешающее подлинной, поистине божественной, свободе человека! Тогда на земле не только будут царить, как об этом мечтает анархист Грав, справедливость и свобода, которые он пишет с большой буквы, но будет прямо рай.

И анархизм, — поскольку он есть, в лице своих благороднейших представителей, пламенный протест против нынешнего социального — прежде всего, а потом и морального, угнетения человека, — должен всегда помнить, что только христианство даст ему незыблемый фундамент для его высоких требований. Но методы Нечаева, методы «Вора» и т. д. должны быть не только брошены, но бесповоротно, решительно, со всей мыслимой силой осуждены. И так анархизм должен сделать не только во имя религиозной и нравственной правды, о чем он, впрочем, заботится меньше всего, а во имя торжества своих же идей. Не динамит, но любовь. Любовь со Христом. Такая любовь сделает большее дело, чем самая большая доза динамита: такая любовь делает *всё*.

